

УДК 811.111'42

DOI: [https://doi.org/10.18524/2307-4604.2019.1\(42\).168848](https://doi.org/10.18524/2307-4604.2019.1(42).168848)

СЕНСОРНАЯ МЕТОНИМИЯ КАК ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья 2

Колегаева И.М.

доктор филологических наук, профессор
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
ORCID 0000-0002-5073-2184

*Данная публикация продолжает цикл статей, в которых рассматривается сенсорная лексика английского, украинского и русского языков, а именно прилагательные колористического и густаторного кодов. Здесь основной интерес сосредоточен на изучении процессов семантической деривации и появлении в лексической структуре сенсорного полисеманта новых семем, образованных на основе метонимического сдвига, когда к базовой семе цветового/густаторного признака присоединяются дополнительные семы, при сохранении типа сенсорности (цветовой/вкусовой) в новообразованной семеме. Последним обстоятельством сенсорная метонимия отличается от синестезии, рассмотренной в частности в первой статье цикла. Приходим к выводу, что метонимия в целом (как феномен узуальной семантической деривации) присуща колористической и густаторной лексике всех трех языков, при этом обнаружены и некоторые лакуны – в отдельных языках словари не регистрируют метонимических сдвигов в сенсорных полисемантах. Все выявленные случаи узуальной метонимии рассмотрены сквозь призму их культурологической обусловленности. В статье выдвигается и отстаивается тезис о том, что причины, по которым происходят метонимические сдвиги и расширение семантической структуры слова, лежат в закономерностях лингвокогнитивного номинативного творчества людей, живущих в определенных условиях и практикующих определенные виды деятельности (социальной, производственной, бытовой). Некоторые из этих причин носят общечеловеческий, некоторые ареальный, а некоторые узко-этнический характер. Наше исследование предлагает следующую типологическую триаду узуальной метонимии в сенсорной лексике: **абсолютная** (регистрируется во всех трех языках), **частотная** (регистрируется в двух языках) и **уникальная** (регистрируется словарями только одного языка). Каждый из этих видов детально рассматривается и интерпретируется на материале английского, украинского и русского языков.*

Ключевые слова: семантическая деривация, сенсорика, сенсорная метонимия, культурологическая обусловленность сенсорной метонимии, цветовые и густаторные номинации (английский, украинский, русский языки).

СЕНСОРНА МЕТОНІМІЯ ЯК МОВНИЙ ФЕНОМЕН: ЛІНГВОКОГНІТИВНИЙ ТА ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТИ

Стаття 2

Колегаєва І.М.

доктор філологічних наук, професор
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Дана публікація продовжує цикл статей, в яких розглядається сенсорна лексика англійської, української та російської мов, а саме прикметники колористичного і густаторного кодів. Цього разу основний інтерес зосереджений на вивченні процесів семантичної деривації і появи в лексичній структурі сенсорного полісеманта нових семем,

утворених на основі метонімічного зсуву, коли до базової семи кольорової/густаторної ознаки додаються інші семи, при збереженні типу сенсорності (кольоровій/смаковій) у новоутвореній семемі. Останньою умовою **сенсорна метонімія** відрізняється від **синестезії**, розглянутої зокрема у першій статті циклу. Доходимо висновку, що метонімія у цілому (як феномен узуальної семантичної деривації) притаманна колористичній та густаторній лексиці всіх трьох мов, при цьому виявлені також і певні лакуни – в окремих мовах словники не реєструють метонімічних зсувів у сенсорних полісемантах. Усі виявлені випадки узуальної метонімії розглянуто крізь призму їхньої культурологічної обумовленості. У статті висувається і обстоюється теза про те, що причини, з яких відбуваються метонімічні зсуви та розширення семантичної структури слова, полягають у закономірностях лінгвокогнітивної номінативної творчості людей, що живуть за певних умов і практикують певні види діяльності (соціальної, виробничої, побутової). Деякі із цих причин мають загальнолюдський, деякі ареальний, а деякі вузько-етнічний характер. Наше дослідження пропонує наступну типологічну тріаду узуальної метонімії у сенсорній лексиці: **абсолютна** (реєструється в усіх трьох мовах), **частотна** (реєструється у двох мовах) та **унікальна** (реєструється словниками тільки однієї мови). Кожний із цих видів ретельно розглядається та інтерпретується на матеріалі англійської, української та російської мов.

Ключові слова: семантична деривація, сенсорика, сенсорна метонімія, культурологічна обумовленість сенсорної метонімії, кольорові та густаторні номінації (англійська, українська та російська мови).

SENSORY METONYMY AS A LANGUAGE PHENOMENON: LINGUOCOGNITIVE AND LINGUOCULTURAL ASPECTS

Article 2

Kolegaeva I.M.

doctor of philological sciences, professor
Odessa I.I. Mechnikov national university

*The present publication continues a series of articles dealing with sensory lexis in English, Ukrainian and Russian, namely with adjectives of colour and gustatory codes. The main focus here concentrates upon studying the process of semantic derivation that results in appearance inside the lexical structure of a sensory polysemant some new sememes which are formed on the basis of a metonymic shift on condition that additional semes join the main seme of colour/gustatory indication while the type of sensority (colour/taste) in such newly coined sememe is preserved. The latter differentiates a **sensory metonymy** and a **synesthesia** which was regarded in particular in article 1 of the present series of articles. We come to a conclusion that metonymy (as a phenomenon of usual semantic derivation) is inherent in colour and gustatory lexis of all the three languages under analysis, meanwhile we have also found certain lacunas, i.e. in some languages dictionaries do not register metonymical shifts in sensory polysemants. All the registered cases of usual metonymy are investigated and treated as being culturally conditioned. The article elucidates the thesis that metonymical shifts and expansion of semantic structure of a word are caused by peculiarities of linguocognitive nominative creativity of people who live in certain environment and practice certain types of activity (social, productive, everyday life). Some such peculiarities are of generally human character, some are of areal character, and some have narrow-ethnic character. We put forward the following typological triad of usual (as opposed to occasional) metonymy in sensory lexis: **absolute** (which is registered in all three languages), **frequent** (registered in two languages), and **unique** (registered in dictionaries of only one language). Each of these types are scrupulously analyzed and interpreted on the material of the English, the Ukrainian and the Russian languages.*

Key words: semantic derivation, sensority, sensory metonymy, culturally conditioned sensory metonymy, colour and gustatory nominations (English, Ukrainian, Russian).

Введение

Данная публикация выполнена в русле такой **дисциплины**, как **сенсорная лингвистика** и продолжает цикл исследований лингвосенсорной лексики английского, украинского и русского языков, начатый нами в предыдущей статье (Колегаева 2018). Вслед за В.К. Харченко определяем сенсорную лингвистику как «исследование языковой передачи показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния» (Харченко 2012: 8). Из этой палитры сенсорных, или перцептивных каналов восприятия мира человеком мы выбрали **объектом** рассмотрения два: зрительный, а именно цветовосприятие и вкусовой, или густаторный. Статья 1 рассматривала общетеоретические вопросы соотношения первой и второй сигнальной систем и их отражения в перцептивной лексике языка в целом, а также этнонационального языка в частности, в нашем случае английского, украинского и русского. Кроме того, в статье были подробно рассмотрены процессы *синестезии* и их отражение в лексических единицах этих языков.

Следующим этапом в развитии темы сенсорной лингвистики на **материале** трех языков (выборка из толковых словарей английского, украинского и русского языков общим объемом 40 словарных статей) оказывается изучение дальнейших семантических преобразований в лексической структуре сенсорных номинаций.

Предварим ход рассуждений высказанным мнением такого авторитетного ученого, как Н.Д. Арутюнова: «Особенностью *сенсорных* механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку *сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое*. Это устройство действует постоянно, порождая метафору» (Арутюнова 1990: 9) (Курсив наш – И.К.). При этом с точки зрения А.Барселона, когнитивной основой метафорических переносов служит *метонимический* перенос (Barcelona 2000). Как об этом пишет Е.А.Селиванова, «для обозначения процессов взаимодействия метафоры и метонимии (метафора от метонимии и наоборот) Л.Гуссенс (Goosens) использует термин *метафтонимия*» (Селиванова 2017: 121). Наш анализ колористической и густаторной лексики английского, украинского и русского языков выявил ряд любопытных особенностей в когнитивных процессах, лежащих в основе семантической деривации (метонимии, метафоры, метафтонимии) соответствующих лексических единиц. Продолжая начатое исследование сенсорной лексики колористического и густаторного кодов английского, украинского и русского языков, выбираем **предметом** рассмотрения *метонимические процессы*, приводящие к семантической деривации данных лексем. Особое внимание обратим на выявление общих (универсальных), частотных и уникальных явлений метонимических переносов в анализируемых выборках трех языков и попытаемся объяснить их культурологическими факторами.

Результаты и наблюдения

Как уже упоминалось в предыдущей статье данного цикла (Колегаева 2018), подавляющее большинство анализируемых единиц (34 из общего числа 40) представлены полисемантами с разной степенью разветвленности лексической семантической системы. Лишь очень незначительная

часть выборки (15%) приходится на моносемантические единицы, при этом все они находятся в группе *цветообозначений* (общее число цветообозначений 28 вокабул). *Густаторная лексика*, будучи значительно менее обширной (суммарно по трем языкам 12 вокабул), оказывается гомогенно полисемантической. Можем предварительно предположить, что восприятие *вкуса* порождает в головном мозге большее разнообразие когнитивных процессов обработки и переосмысления полученных перцептивных сигналов, чем восприятие *цвета*. В результате густаторная лексика, В.А. Олянич называет ее *глюттонимами* (Олянич 2004), всегда полисемантическая, а колористическая лексика, или цветообозначения могут быть как полисемантическими, так и реже моносемантическими (по нашим данным одна пятая часть).

Колористическая лексика, называющая основные части цветового спектра (6 хроматических и 2 ахроматических), объемом 28 вокабул, включает 6 моносемантических цветообозначений, т.е. словарно зарегистрированных единиц английского, украинского и русского вокабуляра, в которых дефинируется единственная семема с обозначением цвета и отсылкой на образ-прототип. Среди таких лексем универсально моносемантическими единицами (т.е. они таковы во всех трех языках) являются: *violet*, *фиолетовий*, *фиолетовый*. Частотные моносеманты (они таковы в двух языках) называют близкие участки цветового спектра: (укр.) *жовтогарячий*, (рус.) *оранжевый* и один моносемант уникальный, это (укр.) *блакитний*. Эти лексемы не имеют семантических дериватов.

Лексические единицы *густаторного кода* объединяют словарные вокабулы, в которых зарегистрированы от 3 до 17 узуальных семем. Моносемантов нет.

Приведенная характеристика выборки подсказывает, что дальнейшие шаги анализа будут касаться вопросов полисемии сенсорной лексики. При этом в фокусе внимания оказываются *когнитивные* аспекты *семантической деривации*, т.е. образования новых семем в лексеме. О семантической деривации см., например, работы А. Зализняк (2001, 2006). Х-Г. Гадамер утверждал, что *восприятие* всегда связано с *осмыслением*: то, что мы видим или слышим, неизбежно несет новые смыслы, тотчас разбивающиеся на нозмы. Иначе говоря, нозмы – это результат обыденной рефлексии (Гадамер 1988). Напомним, что нозма – это понятие феноменологии Э. Гуссерля; в соответствующей терминологии нозма есть мысленное представление о предмете, или предметное содержание мысли. В связи с вышесказанным соглашаемся с В.К. Харченко, которая полагает, что сенсорике не стоит противопоставлять ни когнитивистике, ни эмоциональности (Харченко 2012: 15). Нас в первую очередь в данной публикации интересует корреляция *перцептивных* (сенсорных) и *когнитивных* процессов человеческой психики и отражение такой корреляции в узуальных лексических единицах английского, украинского и русского языков. Когнитивные процессы служат механизмом и синестетической, и метонимической, и метафорической семантической деривации сенсорной лексики.

Синестезия как мотивация семантической деривации в узуальных словарных единицах сенсорной лексики была рассмотрена в предыдущей

публикации (см.: Колегаева 2018: 63-65). Мы утверждаем, что психологический и когнитивный феномен синестезии, отражаясь в системе узуальных лексических единиц, расширяет палитру номинативных ресурсов трех рассматриваемых языков (английского, украинского и русского). Причем полученные нами данные свидетельствуют, что лидером здесь оказывается английский язык, который намного чаще по сравнению с украинским и русским языками демонстрирует синестезию как вид сенсорной метафоризации номинативных единиц колористического и густаторного кодов.

Рассмотрим явление семантической деривации в сенсорной лексике, мотивированное метонимизацией исходной, базовой семемы со значением цветовой или вкусовой характеристики, в результате чего в языке появляется новая семема уже существующей лексемы, семный набор которой расширяется за счет добавления иных, не собственно колористических/густаторных характеристик. При этом в рамках полисеманта новая семема продолжает быть словесной единицей с тем же типом сенсорной атрибуции, что и основная, исходная семема, т.е. она сохраняет в своем семном наборе сему цвета/вкуса, которая была лидирующей в основной семеме. Этим рассматриваемый феномен *сенсорной метонимии* отличается от феномена *синестезии*.

Общеизвестно, что *метонимия* – это перенос имени с одного класса объектов на другой класс, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию (ЛЭС). Охарактеризуем данные процессы в рамках английской, украинской и русской сенсорной лексики. Естественно, что рассмотрению подлежат только полисемантические единицы, их в нашей выборке насчитывается 34 (22 лексемы цветового кода и 12 лексем густаторного кода). Согласно данным толковых словарей, почти две трети этих единиц расширяют свою семантическую структуру за счет появления метонимически мотивированных семем. Чуть более одной четверти (26,5%), или 9 вокабул подобных (метонимических) семантических сдвигов не регистрируют. К ним относятся прилагательные-цветообозначения (укр.) *червоний, синій, голубий*, (рус.) *синий, голубой* и прилагательные, называющие вкусовые ощущения (англ.) *bitter*, (укр.) *гіркий, солодкий*, (рус.) *сладкий*. Любопытно, что почти все из этих лексем не имеют и синестетически мотивированных семем, исключение составляют только две густаторные лексемы: английская *bitter* (густаторная—>тактильная, температурная характеристика, напр., *bitter wind*) и украинская *солодкий* (густаторная—>звуковая характеристика, напр., *солодкий голос*).

Аналогично предложенной ранее трихотомии наблюдаемых нами феноменов (речь шла о трех типах образов-прототипов, к которым отсылает дефиниция сенсорных лексических единиц) предлагаем явление метонимизации в рамках сенсорной лексики также рассматривать как *абсолютные* (зарегистрированы в лексемах всех трех языков), *частотные* (двух языков) и *уникальные* (зарегистрированы только в одном из изученных языков).

Абсолютная метонимия встречается только в трех лексических гнездах (двух колористических и одном густаторном). В колористической лек-

сике это гнездо единиц *white*, *білий*, *белый*. Словарные дефиниции каждой из этих лексем фиксируют семему со значением [принадлежащий к белой расе]. Попутно заметим, что неожиданно для нас остальные цветообозначения, называющие характеристики людей трех остальных рас (афроамериканской, азиатской и индейской), в перечень *абсолютных* метонимических номинаций не попали. Соответствующее значение прилагательного отсутствует в дефиниционных статьях некоторых языков: словари не фиксируют такую семему [принадлежащий к афроамериканской расе] в английской лексеме *black* и в русской лексеме *черный*; словари украинского и русского языков не фиксируют семемы *червоний*, *красный* и *жовтий*, *жёлтый* со значением [принадлежащий к индейской, азиатской расе]. Мы далеки от предположения, что подобные значения отсутствуют в лексике анализируемых языков, однако некоторая непоследовательность в структуре лексикографических словариков имеет место. При этом заслуживает внимания словарная помета, сопровождающая соответствующую семему в английских словарях – (*оскорбительно*): *red* [(*offensive*) of or being a native American], *yellow* [(*offensive*) of or being a person of Asian origin, Chinese or Japanese]. Вероятно, требования политкорректности временами нарушают логическую последовательность и беспристрастность компиляции лексикографических изданий.

Возвращаясь к обсуждению абсолютной метонимии в сенсорной лексике английского, украинского и русского языков, скажем, что вторым гнездом тут выступают цветообозначения, номинирующие желтую часть спектра *yellow*, *жовтий*, *жёлтый*. Все эти прилагательные во всех трех языках характеризуют прессу определенного тематического содержания и литературного качества: *yellow* [(of journalism) *lurid and sensational, featuring scandalous items*], *жовтий* [періодичні видання *низького* гатунку, у яких у гонитві за *сенсацією* друкуються *вигадані* повідомлення, *скандальна* хроніка], *жёлтый* [бульварно-*сенсационная* пресса]. Традиционно считается, что изначально подобные издания печатались на бумаге желтого цвета.

Еще одним гнездом в группе абсолютной метонимии выступают адъективные единицы густаторной лексики. Во всех трех языках присутствуют лексемы, в структуре которых зафиксирована семема, называющая такой способ консервации пищевых продуктов, как засолка: (*salt*, *солоний*, *солёный*): *salt* [*preserved in salt or salt solution*], *солоний* [*приготовлений* про запас із сіллю], *солёный* [*приготовленный*, консервированный в растворе соли]. Предполагаем, что универсальность подобного развития лексической семантики и появления семемы с идентичным значением во всех трех языках обусловлена близостью бытового уклада, издавна царившего в культуре соответствующих этносов. Со времен охоты и рыболовства засолка пищевых продуктов была необходимым условием их сохранения, т.е. тех видов бытовой деятельности, которые обеспечивали выживание человеческого племени с древнейших времен. Поэтому в соответствующих лексических единицах группы *salt–солоний–солёный* при общем не очень большом разнообразии их семем (3-4 семемы) обязательно появляется семема с соответствующим смысловым наполнением.

Частотная метонимия (наличие идентичных сдвигов в семантике слов *двух* языков) – явление значительно более распространенное, нежели абсолютная. Продолжая наблюдения над густаторной лексикой, отметим, что еще один способ консервации продуктов – квашение – отражен в процессах семантической деривации только славянских языков. Лексемы (укр.) *кислий*, (рус.) *кислый* имеют зарегистрированную в словарях семеме [який утворився внаслідок бродіння], [закисший вследствие брожения: *кислое молоко, кислая капуста*]. Англоязычная картина мира не отражает подобного способа обработки продуктов питания. Поэтому словосочетание *sour milk* означает скисшее, испортившееся молоко, а не определенный молочный продукт, который русскоязычные говорящие называют *кислое молоко*. Такого блюда, как кислая/квашеная капуста в этнонациональной английской картине мира изначально вообще не было, и лишь со временем появилось упоминание о нем как заимствованном из немецкой кухни, что отражено в словарях: *sauerkraut* [German dish]. Здесь уместно вспомнить замечание Н.А. Никитина: «дифференциация значений коренится в структуре и дискретизации практики» (Никитин 1996: 209). Практика представителей англосаксонского этноса не выделяла (не «дискретизировала») такую технологию консервации продуктов, как заквашивание (молока, капусты), отсюда и отсутствие «дифференциации соответственного значения».

Группа цветообозначений предлагает значительно более широкую палитру единиц частотной сенсорной метонимии. Лидирует в этой группе номинация ахроматического цвета *чёрный*.

В английском и украинском языках присутствует семема со значением [грязный, выпачканный]: *black* [dirty, soiled as from soot], *чорний* [укритий сажею, брудний], как видим, в дефинициях обоих языков есть отсылка к частотному образу-прототипу – саже.

Еще одной парой колористических единиц спектра *чёрный* выступают украинская и русская семемы *чорний* [важкий і брудний, непрофесійний, підсобний (про роботу)], *чёрный* [физически тяжелый и неквалифицированный, *чёрная работа*]. Основания метонимического переноса очевидны, в данном случае наблюдаем метонимию второго порядка: от семемы *чорний* [укритий сажею, брудний], называющей физическую характеристику (грязная, выпачканная поверхность) (метонимия первого порядка), образуется семема *чорний* [важкий і брудний, непрофесійний, підсобний (про роботу)] – качественная характеристика деятельности человека, связанная с грязью, а значит невысокого профессионального уровня (метонимия второго порядка), отсюда название такого работника (укр.) *чорнороб*, (рус.) *чёрнорабочий*.

Метонимию третьего порядка наблюдаем в цветообозначениях *чорний*, *чёрный* (украинского и русского языков) при образовании семем со значением [простонародный, який належить до нижчих верств суспільства] и [принадлежащий к непривилегированным классам общества] – радиальная семантическая деривация в данном случае включает три звена: физически грязный (метонимия первого порядка) —> неквалифицированный (второго порядка) —> простонародный, тот, который способен заниматься

только чёрной, неквалифицированной работой (третьего порядка). Данное семантическое явление свойственно только славянским языкам и отсутствует в английском.

Еще один спектр цветообозначений – зелёный – демонстрирует несколько случаев частотной (в двух языках) метонимии. Английское слово *green* и русское *зелёный* из прямой номинации цвета развивают вторичную номинацию степени зрелости плодов: *green* [not ripened or mature], *зелёный* [незрелый (о плодах)]. Основание переноса очевидно – многие плоды в начале созревания имеют зеленую окраску, которая со временем сменяется красной, желтой, оранжевой и т.п. Широко известное другое значение слов *green*, *зелёный* [неопытный] представляет собою яркий случай *метафтонимии* – образования метафоры на основе метонимии: *green* / *зелёный* [зеленого цвета] → *green/зелёный* [неспелый] (метонимия) → *green/зелёный* [неопытный] (метафтонимия). В украинском языке словари не фиксируют семему *зелений* со значением [недозрілий], поэтому семему *зелений* [який не має життєвого досвіду] следует скорее трактовать как просто метафору, а не метафтонимию.

Чистая метонимия наблюдается в украинском и русском прилагательных *зелений* [виготовлений із зелені] и *зелёный* [сделанный из зелени]. Еще одним примером частотной метонимии выступают английское и украинское прилагательные, называющие качество поверхности, заросшей зелёной растительностью: *green* [covered by green growth, foliage, trees], *зелений* [який заріс травою].

В ахроматическом спектре обозначение *белого* цвета также порождает частотную метонимию, которая регистрируется в двух языках (английском и украинском): *white* [free from spot or blemish], *білий* [вмитий, чистий, випраний]. В данном случае наблюдаем антонимию прилагательных *black*, *чорний* <—> *white*, *білий*, противопоставленных по признаку *грязный* <—> *чистый*. Причем метонимический перенос в прилагательных *black*, *чорний* представляется более тесным, чем в прилагательных *white*, *білий*, т.к. *грязь*, действительно, часто имеет *чёрный* цвет. Тогда как *чистота* не обязательно связана с *белым* цветом поверхности, чистой может быть и красная, и зеленая, и серая поверхность, однако дефиниция подчеркивает отсутствие грязи [free from spot], [випраний]. Иначе говоря, *white*, *білий* = чистый, это тот, который (уже) не *black*, *чорний* = грязный.

Безусловный интерес представляют *уникальные метонимии*, т.е. случаи семантической деривации сенсорной лексики, имеющие место только в одном языке. Некоторые смысловые участки визуальной и густаторной сенсорики оказываются более вовлеченными в процессы семантической деривации, чем другие. В порядке убывания охарактеризуем метонимические переносы в анализируемом материале.

Наша выборка по цветообозначениям регистрирует четыре случая уникальной метонимии среди лексем, называющих *красную* часть спектра (три из них в пределах английского языка и один в русском языке). Лексема *red* на основе метонимического переноса образует семему со значением [of or being a Native American] и семему [heated to redness]. Обе актуализи-

руют объективную цветовую характеристику – кожа красноватого оттенка, металл, разогретый до красноты.

Радиальную цепочную семантическую деривацию на основе метонимии регистрируем в семеме *red* [(arch.) involving bloodshed or violence]. Напомним, абсолютным образом-прототипом для красного спектра цветообозначений выступает кровь: «некоторые эталоны упоминаются в дефинициях номинативных единиц всех *трех* языков: например, **кровь** для номинаций красной части цветового спектра, см.: *red* [having the colour of blood], *червоный* [кольору крові], *красный* [цвета крови]» (Коллегаева 2018: 61). Отсылка к крови, имеющей красный цвет, в дефиниционном признаке прилагательного-цветообозначения [involving bloodshed] объясняет метонимическую мотивированность появления семемы *red* = жестокий, кровопролитный. По нашим наблюдениям, в других языках (украинском, русском) аналогичные семемы в цветообозначениях не появились.

В то же время русская лексема *красный* на основе метонимии развила производную семему [для обозначения ценных сортов ч-л, *красная рыба*]. Википедия поясняет, что «красная рыба – общее название деликатесных видов рыбы из семейства осетровых: сёмга, форель, горбуша, кета, так как их мясо имеет различные оттенки красного или красно-розового цвета». Уникальность появления подобной семемы цветообозначения *красный* в русском лексиконе обусловлена объективным, географическим фактором: эти сорта рыбы «обитают на Дальнем Востоке, а также в Баренцевом и Белом морях» (Википедия). Данные регионы территориально находятся в пределах России и все, что связано с ними, соответственно, отражено исключительно в русскоязычной картине мира.

Еще одно проявление географического фактора при возникновении уникальной метонимии наблюдаем в семантической деривации лексемы *salt* в английском языке. Два из общего числа четырех метонимических трансформаций (три в английском языке и одна в украинском) напрямую «завязаны» на уникальном для английского языка образе-прототипе соленого вкуса. Это морская вода (*seawater*) как эталон для соответствующего диапазона густаторных ощущений, что «полагаем проявлением этноспецифичности англоязычной картины мира, отражающей островное положение Британии, окруженной морями, и роль моря, морского транспорта в истории этноса» (Коллегаева 2018: 62). Семема прилагательного *salt* [flooded with seawater] и производная от нее семема *salt* [found near or in flooded area: *salt plant* – growing on the coast or in salt marshes] – это радиальная метонимическая цепочка семантической деривации лексемы *salt* = солёный, которая базируется на прототипическом для британского ареала признаке *морская вода = солёная*.

Третья в английском языке метонимически образованная семема адъективной лексемы *salt* [cured or seasoned with salt] – это перенос генеральной характеристики *солёный* на частичную характеристику *заправляемый солью, такой, который лечится солью*.

В украинском языке случай уникальной метонимии регистрируем у прилагательного *солоний* [дуже тяжкий, *солоня робота*]. Это значение в лексе-

ме – финальное звено когнитивной операции метонимических переносов: *солёный* пот —> вспотевший от тяжелой работы человек, чья кожа *солон* от пота —> *солёная* работа [*солон* (дуже тяжка) *робота*].

Случаи уникальной метонимии отмечаем у цветообозначения желтой части спектра. Английское прилагательное *yellow* образует номинацию расовой принадлежности [of or being a person of Asian origin, Chinese or Japanese], украинское цветообозначение *жовтий* [засохлий, вигорілий, зів'ялий] называет объективную характеристику увядшей, пожелтевшей растительности. В обоих случаях более широкая семантика цветообозначения определенного участка спектра, характерного для любого объекта, смещается в сторону более узкой, специфической семантики: желтоватый оттенок кожи человека (*yellow*); желтая, золотая, бурая цветовая гамма исключительно растительных объектов (*жовтий*).

Далее рассматриваемые случаи *уникальной* метонимии регистрируем только в одном языке каждую.

В русском языке словарь указывает такое значение лексемы *чёрный* [курной: *чёрная* изба, *топить по-чёрному*]. Чёрная изба – сугубо российская реалья, тип деревенской постройки на севере России, особенностью которой было отопление печью без трубы. В результате такой конструкции дым от печи распространялся по помещению и выходил наружу через отверстие в крыше, стены оказывались закопченными, т.е. чёрными. Как утверждает Википедия, топили по-чёрному не только из соображений экономии (под одной крышей были жилые и хозяйственные помещения), это имело еще одну практическую цель: дым спасал деревянные стены дома от гнили и помогал сберечь уникальные крестьянские наряды: «Пропитанные дымом платки, кружева, сарафаны сохранялись долгие годы» (Википедия). Очевидно, что такая страноведческая (культурологическая) компонента свойственна уникальному значению в лексеме, называющей ахроматическую часть спектра – чёрный.

Еще один случай уникальной метонимии наблюдаем в русском прилагательном *горький* [неисправимый (алкоголик), *горький* *пьяница*], полагаем, что основанием для метонимического переноса служит русское выражение *пить горькую*, т.е. быть запойным алкоголиком, от метонимически образованного существительного *горькая* <— *горькая* *водка*. Сдвиг семантики идет в сторону сужения: *горькая* жидкость —> *горькая* *водка* —> *горький* (неисправимый) алкоголик, на последнем этапе качество напитка переносится на характеристику человека, употребляющего напиток. Кроме того, в семном наборе последнего звена метонимических трансформаций появляется негативно оценочная сема [неисправимый].

Изменение семного набора с добавлением оценочной семы в процессе уникальной метонимии наблюдаем и в английском прилагательном густаторного кода *sour* [tasting of decay, rancid, rotten, having gone bad because of fermentation of food, esp. milk]. Вкусовая характеристика пищевого продукта *кислый*, лежащая в основе метонимического сдвига, в этом случае порождает семему для обозначения *испортившегося* продукта: *прокисшее молоко* в отличие от *кислого* *молока*. Наличие негативно оценочной семы в

прилагательном *sour (milk)* и отсутствие таковой в прилагательном *кислое (молоко)* сопровождается разным набором сем в каждом из них [испортиться в результате брожения] и [образовать новый продукт в результате брожения]. Выше упоминалось отсутствие реалии *кислое молоко = продукт питания* в англоязычной картине мира. Наблюдаем языковое проявление различий пищевого кода культуры в разных этносах (англосаксонском VS славянском).

Длинная цепочка метонимических трансформаций имеет место в одной из семем лексемы *blue* [aristocratic, patrician] = аристократический. Полагаем, что это значение у прилагательного *blue=голубой* появилось от метонимического переноса *blue blood=голубая кровь* [аристократизм]. Как показала О. Н. Новаковская, такое значение у концепта КРОВЬ в наивной картине мира развилось в результате ложной трактовки голубых прожилок, которые просвечивались на руках сквозь тонкую кожу аристократов и не просвечивались сквозь более грубую, часто загорелую кожу простолюдинов. Объективно прожилки были голубого цвета, но наивно трактовались как носители крови также голубого цвета (Новаковська 2016: 83). Таким образом, выстраивается цепочка метонимических переносов: *голубые прожилки (blue veins)* → *голубая кровь (blue blood)* → аристократизм (*blue blood, aristocracy*) → аристократический (*blue=aristocratic, patrician*).

Лексема *blue* включает еще одну семему, чье появление оказывается результатом метонимического развития лексической семантики, это семема со значением [(of a woman) learned, intellectual], берущая свое начало от существительного *bluestocking* [(derogatory) an intellectual or literary woman]. Изначально словом *bluestockings* в Британии середины XVIII века называли сообщество, организованное Элизабет Монтегю, в котором обсуждались литературные и научные вопросы. Там часто бывал ученый-ботаник и издатель Бенджамин Стиллингфлит, которого все ценили как очень интересного собеседника. Будучи не очень богатым человеком, он не мог себе позволить шелковые черные чулки, как того требовал тогдашний этикет, и приходил на собрания в синих шерстяных чулках (*blue stockings*). В шутку всех участников этого кружка стали называть *bluestockings*. Слово прижилось и начало развиваться в английском языке, перейдя с обозначения участниц кружка Э. Монтегю на обозначение женщин, интересовавшихся литературой и наукой, затем на женщин, увлекающихся этими вопросами в ущерб традиционным семейным ценностям. В этом значении слово приобрело негативно оценочную сему, эксплицированную в дефиниционной статье Оксфордского словаря (*derogatory*). Позднее, вероятно, от него отпочковалось прилагательное *blue* как нейтрально оценочная характеристика образованной, интеллектуальной женщины.

Значительно более короткие цепочки уникальной (свойственной только английскому языку) метонимии регистрируют словари в прилагательном *orange* [made from oranges] У адъективной лексемы, чье основное значение – цвет [reddish yellow, of the color orange], появляется производная семема, в которой к изначальное семе [колористическая характеристика – *имеющий цвет апельсина*] прирастает новая сема [*изготовленный из апельсина, а*

значит, имеющий соответствующий цвет]. В обеих семемах сохраняется один и тот же сенсорный канал – цвет, хотя цветовая семантика отодвигается на второй план, но она не уходит полностью.

В другой производной семеме прилагательного *orange* [*tasting or smelling like oranges*] цветовой канал восприятия исчезает, уступая место вкусовой/ольфакторной характеристикам. Поэтому вторая производная семема есть пример синестезии.

В русском языке подобная цепочка не выстраивается: цветообозначение *оранжевый* отсылает к образу-прототипу *апельсин*. Но похожие по семантике прилагательные со значениями [изготовленный из апельсина], [имеющий вкус, запах, цвет апельсина] развиваются не на основе морфемы *оранж-, а на основе морфемы *апельсин-* [цитрус] —> *апельсиновый*.

В словарях украинского языка словарной статье *оранжевий* нет вообще. Причина, вероятно, кроется в том, что апельсин как фрукт не является прототипичным (в терминах Э. Рош) для славянской картины мира.

Выводы

Подводя итог второму этапу нашего исследования сенсорной лексики английского, украинского и русского языков, скажем следующее.

* Не вызывает сомнения тесная связь двух психических процессов, происходящих в головном мозге человека: перцептивном и когнитивном. Поступающие по сенсорным каналам нервные импульсы не только воспринимаются и интерпретируются головным мозгом, но и нередко индуцируют дальнейшую, иногда многоступенчатую когнитивную деятельность, которая, в частности, приводит к метонимически обоснованным трансформациям смысловых комплексов, отражая реально существующую связь чего-то нового с тем, что известно и уже названо. Согласно универсальному закону языковой экономии, ограниченность номенклатуры означающих (форм словесных знаков) в любом языке провоцирует «помещение» новых означаемых (сигнификатов) под крышу уже имеющегося в данной номенклатуре знака. В результате одно означающее начинает «обслуживать» несколько означаемых. Слово-моносемант подвергается семантической деривации, превращаясь со временем в полисемант.

* Причины подобных (в данном случае метонимических) сдвигов и расширения семантической структуры слова лежат в закономерностях лингвокогнитивного номинативного творчества людей, живущих в определенных условиях и практикующих определенные виды деятельности (социальной, производственной, бытовой). Некоторые из этих причин носят общечеловеческий, некоторые ареальный, а некоторые узко-этнический характер. Наши наблюдения показывают соответствующую корреляцию (внешние причины > номинативные процессы) на примере *абсолютных* и *частотных* совпадений при образовании метонимических дериваций колористической и густаторной лексики (в *трех* и *двух* языках), а также на примере *уникальных* случаев, присущих только *одному* языку и, соответственно, одному этносу с присущими только ему особенностями жизни.

* Выполненный анализ колористической и густаторной лексики английского, украинского и русского языков свидетельствует, что метонимическая

деривация как явление имеет место во всех трех языках (естественно, исключительно среди полисемантов), однако наблюдаются и лакуны: среди сенсорной лексики двух, иногда одного языка зарегистрированы словарные единицы, в которых метонимический сдвиг как механизм деривации отсутствует. *Абсолютных* лакун (во всех трех языках) нет. В *густаторной* лексике два вкуса попадают в такие лакуны: (англ.) *bitter* и (укр.) *гіркий*, а также (укр.) *солодкий* и (рус.) *сладкий*. В *колористической* лексике в подобные лакуны попадают: (укр.) *синій* и (рус.) *синий*; а также (укр.) *голубий* и (рус.) *голубой*. Уникальная лакуна – (укр.) *червоний*. Очевидно, что в этих прилагательных лексемах есть семантические дериваты, но они синестетического или метафорического типа и как таковые были рассмотрены в предыдущей публикации и будут рассмотрены в следующей, которая завершит данный цикл.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. // Теория метафоры: Сборник./ Общ. Ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
- Гадамер Х-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
- Зализняк А.. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
- Зализняк А.. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. М., 2001. № 2. С. 13-25.
- Колегаева И.М. Сенсорная метафора и синестезия как языковой феномен: лингвокогнитивный аспект. Статья 1. // Записки з романо-германської філології. / Одеський національний університет імені І. І. Мечникова: ф-т романо-германської філології. Вип. 2 (41). Одеса: КП ОМД, 2018. С. 56-66. DOI: [https://doi.org/10.18524/2307-4604.2018.2\(41\).151349](https://doi.org/10.18524/2307-4604.2018.2(41).151349)
- Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: Уч. пособие. С.Петербург: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
- Новаковська О. М. Лексико-семантичне поле «blood» в англомовній наївній та науковій картині світу. Дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04. Одеса, 2016. 208 с.
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
- Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник. Вид. 2-е, виправл. і доп. 2017. 890 с.
- Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 216 с.
- Barcelona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive perspective*. Berlin, N.Y., 2000.
- (ЛЭС) Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., дополн. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. 709 с.

References

- Arutjunova, N.D. (1990). Metafora i diskurs. In *Teorija metafori: Sbornik./ Obshh. Red. N.D. Arutjunovoj i M.A. Zhurinskoj*. M.: Progress, 5-32.
- Gadamer, H-G. (1988). *Istina i metod: osnovy filosofskoj germenевtiki*. M.: Progress.
- Zaliznjak, A. (2006). *Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija*. M.: Jazyki slavjanskikh kul'tur.
- Zaliznjak, A. (2001). *Semanticheskaja derivacija v sinhronii i diahronii: proekt "kataloga semanticheskikh perehodov"*. In *Voprosy jazykoznanija*. M., № 2, 13-25.
- Kolegaeva, I.M. (2018). *Sensornaja metafora i sinestezija kak jazykovoj fenomen: lingvokognitivnyj aspekt. Stat'ja 1*. In *Zapiski z romano-germans'koj filologii. / Odes'kij nacional'nij universitet imeni I. I. Mechnikova: f-t romano-germans'koj filologii. Vip. 2 (41)*. Odesa: KP OMD, 56-66. DOI: [https://doi.org/10.18524/2307-4604.2018.2\(41\).151349](https://doi.org/10.18524/2307-4604.2018.2(41).151349)

Nikitin, M. V. (1996). Kurs lingvisticheskoj semantiki: Uch. posobie. S.Peterburg: Nauchnyj centr problem dialoga.

Novakovs'ka, O. M. (2016). Leksiko-semantichne pole «blood» v anglomovnij naivnij ta naukovij kartini svitu. Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Odessa.

Oljanich, A.V. (2004). Prezentacionnaja teorija diskursa: Monografija. Volgograd: Paradigma.

Selivanova, O.O. (2017). Suchasna lingvistika: naprjami ta problemi: Pidručnik. Vid. 2-e, vipravl. i dop.

Harchenko, V.K. (2012). Lingvosensorika: Fundamental'nye i prikladnye aspekty. M.: LIBRO-KOM.

Barcelona, A. (2000). On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor. In Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive perspective. Berlin, N.Y.

(LES) Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' (2002). Gl. red. V. N. Jarceva. 2-e izd., dopoln. M.: Bol'shaja Rossijskaja Eenciklopedija.

Стаття надійшла до редакції 15.03.2019 р.